

Николай Михайлович Карамзин

**О сравнении древней,
а особливо греческой,
с немецкою и...**

Николай Михайлович Карамзин

О сравнении древней, а особливо греческой, с немецкою и новейшею литературою

«...Автор, кажется, нашел точно ту сторону, с которой должно смотреть на древнюю и новую поэзию. Не во многом можно подражать древним; но весьма многому можно у них, или, лучше сказать, посредством их, выучиться. Кто без творческого духа хочет быть поэтом или скоро обработать дарования свои по хорошим образцам, тот может кратчайшим путем достигнуть до того через прилежное чтение новейших поэтов – итальянцев, французов и англичан...»

**Николай Михайлович
Карамзин
О сравнении древней, а
особливо греческой, с
немецкою и новейшею
литературою**

Сочинение Гроддека, доктора философии[1]

Немецкое ученое общество в Мангейме предложило вопрос: «Дошли ли немцы в некоторых родах поэзии и красноречия до римлян и греков или не превзошли ли их в чем-нибудь?» Сочинитель, известный уже ученому свету по другому своему сочинению – «De Hymnorum Homericorum. reliquiis» [2], исследывает сей вопрос, не думая о награждении. Подлинно ли можно решить его? Можно ли так точно сравнивать древнюю литературу с новою? А если должно, то какие будут главные пункты сего сравнения? – Вопрос: *поравнялись ли мы с древними и не превзошли ли их?* – в самом деле, весьма труден; но если бы и легко можно было решить сей вопрос, то все к чему бы нам было меряться с древними? Разве для того, чтобы оставить их и, таким образом, избавиться от трудных изъяснений? Или для того, чтобы, поравнявшись с остроумнейшим народом на земном шаре, заснуть на лаврах своих с приятною мыслию: *я с ним ровен?* Или, может быть, для того, чтобы увидеть еще недостающее нам к совершенству? Но здесь рождаются новые вопросы. Точно ли творения древних в словесных нау-

как могут быть для поэта и оратора такими верными образцами, как правила Поликлета-вы для художника? Не есть ли красота и совершенство нечто весьма относительное или, лучше сказать, нечто такое, чего во всей чистоте не найдешь ни у какого народа и ни в каком сочинении? Только в сравнении копии с оригиналом могу я точно определить, чего недостает в первой для совершенного сходства с последним. Но разве сочинения наши суть не что иное, как копии древних? И разве древние без всякого исключения могут быть для нас оригиналами? – Сочинитель хотел дать почувствовать некоторые из сих затруднений, имеющих влияние на решение вышеупомянутого вопроса. Совершенство в творениях древних, говорит он, или то, что в них нравится, не есть *одно*. Оно различно, по разным временам, в которые цвела поэзия у древних. Вкус подвержен был многим переменам. Певец природы поет не так, как просвещенный поэт, а просвещенный не так, как ученый. Какой род изящности надобно избрать мерилom? К тому же мы не имеем еще достоящего числа примеров, чтобы о достоин-

стве греческой литературы сказать нечто решительное. Некоторые из лучших греческих писателей (например, Менандер и все поэты новой комедии) пропали; обо многих же греческих творениях в словесных науках имеем мы только историческое сведение. Но какое же есть главное различие между древнею и новою поэзию, различие, столь затрудняющее всякое сравнение между ими? Яснее всего увидим его, когда сравним обстоятельства, в которых образовалась поэзия древних и наша поэзия. У греков происходит и образуется она во время *детства и юности нации*. Гомер беспримерен и неподражаем для того, что он писал или пел в сих обстоятельствах. Некоторые из оных не переменались еще долгое время. Язык Гомеров остался языком эпических поэтов, и содержание песней их было отчасти то же. Долго были поэмы вместилищем полезных знаний, и более всего из них учились. Грек возрастал среди идей и образов древнейшего времени и живо чувствовал красоты того искусства, которому надлежало прославлять всякое народное торжество. Сколь же, напротив того, отменны обстоятельства поэ-

зии в нашем отечестве! Песни древних бардов едва ли стоят того, чтобы жалеть о потере их. Песни так называемых *любовных певцов* [3] для нас то же, что потеряны; потому что язык наш совсем переменялся – и в самые те времена, как они сочиняемы были, действовали они более на высшие состояния, нежели на народ. *Цеховые стихотворцы* [4] совсем унизили поэзию. Даже и теперь, когда превосходные поэты извлекли ее из всеобщего презрения, сколь еще отлично то участие, которое берет в ней народ, от того, которое брали греки в своей поэзии! Национальный дух, который их оживлял и заставлял знать историю своего отечества, нам совсем неизвестен. Мы духом своим живем более в других народах, нежели в собственном своем; а грек образовался среди греков и творения свои брал из самого себя. Язык наш есть язык богатый и философский, но для поэзии время его почти прошло.

Второе главное различие древней и новой поэзии состоит в различности цели их. Образование и просвещение диких людей было целью древних, а у нас только удовольствие

и забава. Различность содержания поэм есть необходимое сего следствие; от чего, с другой стороны, произошло такое же великое различие и в характерах древних и новых творений. Благородная, трогательная простота есть характер древних; а новых украшение и искусство.

Изю всего же сказанного следует то, что великость древних происходит не от большой силы духа их, но от обстоятельств внешних. Немцам остается по крайней мере та слава, что они в обстоятельствах, гораздо не столь благоприятных, достигли до высокой степени изящности; и весьма бы несправедливо было определять достоинство последних по неприличному сравнению с первыми. – Сочинитель сравнивает потом разные роды поэзии, которые дошли до нас от древних, например басню, драму, идиллию, и показывает великое различие, которое должна была произвести в них различность времени. Потом обращается он еще к поэзии римлян, которая уже гораздо ближе к нашей. Римляне учились у греков так, как мы учимся у греков и римлян. И у них процвела поэзия уже во время просвеще-

ния: но она была подобна однодневному растению, которое скоро увяло на сей плоской земле. Не научение, а удовольствие было целью римских поэтов. Однако ж они имели перед нами то преимущество, что в их гражданские учреждения и религию вошло много греческого, и потому были они к образцам своим ближе нашего.

Автор, кажется, нашел точно ту сторону, с которой должно смотреть на древнюю и новую поэзию. Не во многом можно подражать древним; но весьма многому можно у них, или, лучше сказать, посредством их, выучиться. Кто без творческого духа хочет быть поэтом или скоро обработать дарования свои по хорошим образцам, тот может кратчайшим путем достигнуть до того через прилежное чтение новейших поэтов – италийцев, французов и англичан. Но точно потому, что расстояние между сими и нами столь мало, а между греками и нами столь велико, сии последние гораздо удобнее к образованию великого духа и вкуса. Для кого будет сие загадкою, тот попроси объяснения у наших модных критиков и однодневных поэтов.

Примечания

Из «Allgemeiner deutscher Bibliothek» («Всеобщей немецкой библиотеки» (нем.). – *Ред.*), второй части девяносто первого тома.

[^^^]

«О сохранившихся гомеровских гимнах» (лат.
.). – Пред.

[^^^]

Minnesinger – старинные немецкие или швабские поэты, сочинявшие по большей части любовные песни.

[^^^]

4

Сей цех существует еще и ныне в Ниренберге, в Стразбурге и в других городах Верхней Германии и состоит из учителей и из учеников. Должность их есть та, чтобы петь песни в своих торжественных собраниях.

[^^^]